



АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

РУССКАЯ ПРОЗА

К Н И Г И

Шамяля Идиатуллина,

опубликованные
Издательской Группой
«АЗБУКА-АТТИКУС»

Город Брежнев

•

СССР™

•

Убыр
диалогия

Шамиль Идиатуллин

Убыр
ДИЛОГИЯ



Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
И 29

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-14699-0

© Ш. Идиатуллин, 2012, 2013
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Убыр

Пролог

Наиль совсем с ума сошел.

Я всегда так говорила, когда он что-то смешное болтал или дурачился. Ну и просто так это повторяла. Но сейчас я не повторяю, я знаю: Наиль сошел с ума.

Здесь темно, пыльно и холодно. И страшно очень. Раньше меня всегда успокаивали. Мама. Или папа. Или Наиль. Он мой старший брат, большой. Я тоже не маленькая, я скоро первый класс закончу, но он почти взрослый — ему четырнадцать лет. И я думала, что раз он почти взрослый, то он знает, что делает, и будет меня защищать. А он сошел с ума и теперь ходит вокруг, молчит и улыбается. Он никогда так не улыбался, особенно с позавчерашнего дня.

Я тоже вчера и позавчера не улыбалась. И раньше, когда мама стала больной, папа грустным, а Наиль начал сходить с ума. Он ходил с ножиком, на маму кричал, папу напугать хотел, у меня в комнате за чем-то ложился спать, на полу прямо, как пьяница или Зуля-ана¹, когда в гости к нам приезжает. Распсиховался из-за ерунды, из-за песенки, которую мы учили для представления, — а сам-то куда страшнее песенки слушает, и в компьютере сплошные скелеты и привидения. Еще схватил меня и говорит: поедем к *däw äti*² — а сам в лес привез к бабке какой-то. Мы

¹ *Ana* — тетя.

² Дедушка (дословно: «большой папа») (*tam.*).

долго на паровозе ехали. Я люблю ездить на паровозах — но этот был неудобный, вонючий, там дядьки страшные и злые. Мы убежали, но стало вообще плохо. Мы все время прятались и спасались. А потом Наиль меня бросил у бабушки, а сам убежал. А теперь пришел, бродит и улыбается. Бабушка хорошая, наверно, — она нас накормила. И еще котик у нее. Он черный и красивый. Но бабушка тоже с ума сошла. Обещала звериков всяких показать, лосей даже. А сама притащила меня в баню и сунула под лавку в первой комнате. Здесь холодно и света нет. А бабушка внутри в темноте с печкой и тазиками возится. Как будто кто-то ночью в баню ходит. Это во дворе страшное ходит. Улыбается и слушает.

Хорошо я железку нашла — она кривая, но длинная и твердая. Можно даже кость сломать, я пробовала, до сих пор палец болит. Только я ничего не вижу, потому что темно и очки грязные и запотели, а платка нет. И руки все равно заняты. Я скорчилась под лавкой и просто железку перед собой выставила. Если кто-нибудь набросится, сам себе голову проломит или зуб выбьет. Но лучше, чтобы не набросился. Жалко, что я очень громко дышу, — слышно очень всем. Я тоже услышала, зажала рот обеими руками и стукнула железкой по косточке, которая под глазом. Больно очень, ладно хоть в глаз или в очки не попала. А потом поняла, что так вот это страшное, не буду думать кто, набросится — а я совсем без защиты. Быстро выставила железку перед собой — и выронила полшоколадки: Наиль оставил, когда ушел. Он хотел есть, я видела, а я совсем не хотела. И сейчас не хочу, но он все равно оставил. И зря. Шоколадка упала очень громко и с эхом. К двери сразу подошли.

Я сама виновата. Не надо было ронять шоколадку. Не надо было кричать на Наиля. Не надо было капризничать дома, и кашу недоеденной оставлять, и лениться читать. Просто я дура трусливая.

ПРОЛОГ

Говорят, что все умирают. Говорят, если быстро, это не больно и не страшно.

Жалко, что я Аргاماка дома оставила. Это моя любимая игрушка. Она как живая, хоть и маленькая.

А Наиль как неживой, хоть и большой. И это ведь не Наиль все-таки. Просто кто-то в него переоделся. Наиль не такой, он хороший, хоть и сумасшедший. И у него ноги не так ходят. У него походка смешная, а у этого страшная.

Плохо, что это не Наиль. Значит, это гад какой-нибудь. Хорошему не надо притворяться другим человеком. И здорово, что это не Наиль. Значит, он еще может прибежать и спасти.

И я вовсе не всего боюсь. Я думала, что я Наиля боюсь, но, наверное, я его не совсем боюсь уже. То есть боюсь, конечно, но хочу, чтобы он пришел скорее и забрал меня. К маме с папой, если они выздоровели, или к *däw äti*. Или хоть куда. Лишь бы отсюда.

Опять шаркают. Близко.

Наиль, забери меня, пожалуйста.

Слишком громко прошептала.

Оно услышало. Оно услышало. Оно ус

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Все дома

1

Сперва-то я думал: надо же, как все удачно закончилось.

Удачно.

Закончилось.

Ладно.

Папа совсем в ярости уезжал, я его таким злым и не видел никогда. Он же спокойный, как таракан, — его любимое выражение, кстати. Если чувствует, что, как он говорит, на псих уходит — когда я упираюсь, Дилька дуру включает или мама челюсть выдвигает, ну или по работе с кем-то поспорит, — так вот, он просто разворачивается и уходит из комнаты и даже из квартиры. А появляется уже через полчаса, как всегда насмешливый и хладнокровный. Иногда только кошачьей смерти требует и потом весь вечер поддевает всех. Кошачья смерть — это валерьянка. На самом деле она, конечно, называется *mäçe üläne*, кошачья трава, но папа переделал в *mäçe üleme*. Говорит, что нечаянно. Врет, я думаю. Он постоянно всякие песенки и просто слова переделывает. Русские, английские, татарские. Слоган *Nike* у него «щас дует», *Kit Kat* — передохни, с ударением на третьем слоге, ну и всякие там «Газета „Из рук враки“», «Стоматологическая клиника „Добрый дент“», «Кефаль — ты всегда жарись для нас», «Безутешен от природы йогурт в Перми» или «Травожок „Хуроток“». А несчастную надпись на двери «На себя» папа прочитал так, что мама с ним полдня не разговаривала. Он эту

надпись вслух прочитал. И сиял, как лазерный фонарик. А мама против его сияния ничего сделать не может: смеяться начинает. Если рассмеялась — «не разговариваю» уже не считается.

Я у папы, кстати, этому научился: чушь сморозил — сияй. Дурак, но веселый. Простят. Ну, обычно прощают. Даже завуч. Лишь с физичкой это не проходит, но на нее у нас особенный метод есть, не скажу какой.

Против звонка *däw äti* у папы ни методов не нашлось, ни желания сбегать в зону спокойствия. То есть договорил он не то что приветливо и весело, как всегда, а даже как-то ласково и баюкающе. Будто с Дилькой, когда ее надо из рева вытащить. Дильку он обычно вытаскивал, и *däw äti*, наверное, тоже вытащил. Длинно попрощался, убрал трубку и тут же пошел переодеваться и собирать командировочную сумку. Я это из своей комнаты слышал — уроки делал, чтобы в выходные была свобода. Слышал, как он шепуршал потихоньку, потом принялся дверцами хлопать и тумбочками швыряться. Ну, не тумбочками, а чемоданами с летними вещами, которые у нас внизу шкафа стоят, пока зима — ну или весна, как сейчас. А летом, наоборот, зимние вещи туда упихиваются — не все, конечно, а которые можно упихать.

Теперь это все на пол полетело. Я испугался, прислушался и понял: папа сумку ищет. Мама тоже поняла, прибежала к нему, тихо заговорила, он тоже отвечал тихо, потом рыкнул, мама сказала что-то про нас — а, ну да, понятно, пугать нельзя, не кричи, я все понимаю, но тише-тише. Папа начал было: «Да что ты понимаешь, ты смотри, что они делают», да успокоился почти. И объяснил почти неслышно для меня, почему надо ехать именно сейчас, а мама сказала, что одного я тебя не отпущу. Они немного поспорили, ласково так, про нас в основном, куда нас девать, с собой, что ли? — нет, не надо, посидят, ничего страшного, слава богу, суббота, — и про то, кому

нужны детские хладные трупики, хотя папа еще про мамин матч вспомнил. У мамы абонемент на «Ак барс», она на хоккее сдвинута, ладно меня туда же не вдвинула, боксом отбился, честно. Ну вот. А она сказала: ничего страшного, чего уж похороны калек смотреть, — выходит, с кем-то слабенкиим играют.

Конечно, мама победила. Как всегда.

Они вышли из спальни спокойными и решительными. Папа притащил болтающую ногами Дильку на спине, сбросил на мою кровать, шикнул, потому что она заверещала и потребовала еще раз, и сказал:

— Тут такое дело. Нам с мамой надо срочно ненадолго уехать.

Дилька сразу стала кривить губы и затягивать глаза мокрой пленкой, как вторые линзы под очками. Здорово у нее это получается, раз — и льется, как с карниза в марте. Но мама такую оттепель давно умеет подмораживать. Мы с папой не умеем, наоборот — хуже делаем. А мама умеет.

Она к Дильке присела, что-то быстро ей нашептала, лицо незаметно вытерла, пощекотала — как всегда, в общем. Дилька хмурилась и губами жмакала, но против мамки разве устоишь. Короче, все успокоились, даже папа. Он объяснил, что до деревни и обратно съездим, помочь там надо, ну Марат-абый¹ же... Тут папа осекся. Дилька ведь не знала ни папиного дальнего родственника Марат-абыя, ни того, что он вдруг умер неделю назад, а папа как раз был в командировке в Агрызе и оттуда помчался на похороны вместе с *däw äti*, своим отцом. И в этот раз папа, к счастью, объяснять ничего не стал ни про похороны, ни про то, почему снова в Лашманлык едет. Он просто сказал: давайте, ребята, завтра день побудьте без нас — дома, без улицы; компьютеров и телевизоров хватит, может, и до книжки кто-нибудь дозреет.

¹ *Абый* — дядя (также «старший брат» и просто уважительное обращение к старшему).

Он внимательно нас осмотрел, я сильно улыбнулся, аж за ушами щелкнуло, Дилька буркнула что-то про «и так читаю». Найдете, говорит, чем заняться.

— А кушать мы что будем? — робко спросила Дилька.

Мама сквозь смех поцеловала ее в лоб и заверила, что такого бурундучка без еды уж не оставит.

Дильку они уломали — а меня что уламывать. Хотя это и не свобода, конечно. Пришлось пообещать, что я не буду сестру обижать (эта коза орала «Будет!» и пихала меня пяткой в бедро), а буду кормить, холить, лелеять и выращивать, как садовник розу (это мама сказала) или как свинопас... (это я недоговорил). И не брошу. Ну, я пообещал. Что оставалось-то?

Я, оказывается, не знал, как роскошно Дилька сочиняет новые капризы.

Сперва гладко шло. Мама с папой грамотно все выстроили. Папа ускользнул собираться и звонить каким-то неизвестным мне знакомым и родственникам, мама сказала, что уезжают они рано утром, увела Дильку читать и спать, вырубилась там ударной дозой Носова — правда, и сама чуть не вырубилась, — вышла, пошатываясь, и принялась шуметь водой и плитой на кухне. Чтобы, значит, бурундучки не перемерли. Типа в холодильнике сосисок с пельменями нет.

Папа ей так и сказал между сборами и звонками. Мама на него взглянула, и он удрал, даже без специальной рожи. Это я уже видел, потому что переполз в зал. С уроками разделался — и теперь мог сидеть за компом все выходные, хо-хо. Вскоре папа вернулся на кухню и намекая эдак сообщил, что на хвост никто не садится, так что можем выезжать уже сейчас и еще с утрачка в Аждахаеве пару-тройку часиков сна урвать. Аждахаево — это центр района, в котором Лашманлык — папина деревня находится. То

есть не папина, конечно, он под Оренбургом родился, а *däw ätineke*¹. В самой деревне почему-то последнее время никто не ночует.

Мама в итоге решила не почевать ни там ни тут: догрохотала на кухне, решительно вышла, загнала меня спать — пинком, через туалет, велев не вставать, пока третий петух не пропоет — или что там у тебя в телефоне играет. А я, между прочим, петухов давно с будильника убрал, потому что возненавидел. Теперь ненавидел обычный пружинный звон.

Папа мне к тому времени рассказал, чего они так срываются. Я особо не интересовался: надо — значит надо. Им виднее. А уж полдня-то мы продержимся. Но папа в рамках всегдашней своей политики «честность и осведомленность» рассказал, что вот придется им ехать к Марат-абыю на семь дней. Тут я испугался. Неделю без родителей трудноато будет — и пельменей не хватит, и Дилька меня еще раньше пельменей сожрет. Да и страшновато, честно говоря. Но папа серьезно объяснил, что имеет в виду небольшое поминание усопшего на седьмой день его смерти, еще бывает три и сорок, а у русских вместо семи дней девять, но это не важно. Потом объяснил, что ехать и не собирался, но *däw äti* сказал, что в деревне хулиганы объявились, обижают всех подряд, заборы ломают и могилы оскверняют, поэтому надо «кому надо кадыки повынимать». А мама, значит, боится, что папа выниманием увлечется — вот одного отпустить и не хочет.

По-моему, мама куда более увлекающаяся натура. В том числе и делом вынимания всяких органов из человекoв. Я не имею в виду, что она мне мозг выносит, но в целом направление мысли правильное. Ладно, не будем.

В любом случае я спорить не стал. Тихо порадовался, что родители нас с собой в деревню не тащат.

¹ Дедушкина (*mat.*).

Заверил папу, что все понимаю и со всем справлюсь. Заверил маму, что все обеспечу и всех сохраню живыми и сытыми — и себя, и сестру. И не брошу я ее, не брошу, обещаю, блин. И не вставать до утра обещаю. И звонить каждый час обещаю. И заорал — на меня шикнули, и я зашипел, — что не надо ни Гуля-ану, ни соседей просить с нами посидеть, потому что это унижительно; в конце концов, в моем возрасте кто-то там чем-то уже командовал и все подряд в комсомол вступали, что бы это ни значило.

Они засмеялись, папа обозвал меня балбесом и потрепал по волосам, мама поцеловала в щеку и велела закрыть глаза. Я закрыл глаза, дождался щелчка и темноты. А нового щелчка, входной двери, уже, кажется, не дождался — что-то папа с мамой затагнули с последними сборами и распахиванием еды для нас по легкодоступным местам.

То есть я проснулся и вскинулся в полной темноте, судорожно нашаривая что-то поверх одеяла. Но это наверняка не из-за замка. Просто с улицы пробились какой-нибудь звук: или грузовик промчался, или сигнализация у машины взвыла и заткнулась. Ничего я не нашарил, отдышался, успокоился, хотел сходить на кухню попить, но вспомнил про обещание не вставать до утра — и не встал. Поворочался, ругая себя за сговорчивость с дубовостью, и уснул.

Выспаться, конечно, не удалось. Дилька нашла самый нужный день для того, чтобы проснуться в половине седьмого. Она как-то сразу уяснила, что стишок «Мама спит, она устала» к брату ну никак не относится. И началось. То есть я понимаю, что восьмилетней мадемуазели накормить, допустим, себя не просто — почему, кстати? — но ведь она не собиралась исключительно вопросы выживания через меня решать. Ей ведь нужно было, чтобы я абсолютно каждый ее чих со вздохом разделял — или просто рядом сидел и смотрел. У меня паста не выдавливается,

я есть хочу, туалетная бумага кончилась, а где сахар лежит, а поиграй со мной, а с Аргамаком — смотри, он с тобой хочет, а пройди за меня вот этот уровень, а ты вообще с ума сошел, а сделай мне тоже бутерброд.

Это не сюрприз, конечно, Дилька всегда так себя ведет. А я как всегда вести себя не мог. Не мог ни по башке щелкнуть, ни послать, ни даже просто наушники надеть и отмахиваться. Потому что пообещал.

И вот ведь хитрая вампирка: попробовала бы она мне напомнить про это обещание, ну или просто сказала бы обычное я-все-маме-расскажу — мигом бы в противоположный угол улетела и весь день провела бы в автономном плавании, как атомная подводная лодка «Казань». Терпеть не могу, когда меня лечат. Дилька не лечила. Просто когда я в ответ на ее восьмой писк подряд «Ну Наиль! Там опять по-английски написано, прочитай» рявкнул: «Да включи ты на русском игру, на фига в этой-то лазишь? Не буду!» — она молча упяtilась в угол, сделала лицо скворечником и опять набрала воды под очки. Ну, мне стыдно стало, я застонал — и пошел читать и проходить этот ее дурацкий уровень. Прямо у меня своего уровня нет.

Зато на все мамкины звонки — а мама раз пять звонила и говорила то шепотом, то громко, то под жуткое какое-то подвывание ветра — мы отвечали с честной радостью: сыты, довольны, не цапаемся, всегда бы так. Мамка обзывала нас бессовестными, но голос у нее был не похоронный — да и папа на заднем плане гудел вполне деловито. И вроде бы никого на части не рвал.

Дилька ни разу про них не вспомнила. То есть утром уточнила, когда приедут, — я сказал, что вечером, — кивнула и упылила к ноутбуку.

Пацаны гулять звали — я сказал, что не получится. Они сказали: айда мы сами придем. Я обрадовал-

ся было, но вспомнил, что совсем никого пускать не велено, и отказался.

Еще позвонила Гуля-апа, спросила, где родители. Я объяснил — коротко и не отрываясь от экрана. Она сказала, что сейчас приедет посидеть с нами. Я с досадой отвлекся от затяжной искусствоведческой дискуссии по поводу достоинств олдскульного трэш-метала по сравнению с хардкором периода упадка и сказал, что напрасно приедет. На лестничной площадке сидеть холодно и неудобно, а в квартиру я никого не пущу — не велено.

Мы посмеялись, Гуля-апа сказала: ну давайте я вам хотя бы ужин приготовлю. Я заверил, что у нас этих ужинов до следующей Олимпиады, и быстренько передал трубку Дильке. Пусть поворкуют, как любят.

Они долго трындели — я краем уха слышал Дилькины визги и глупые рассказы про лошадок и про аквапарк. Ну и маме пришлось на Дилькин телефон звонить. Она еще возмущалась, с кем я так долго треплюсь, вместо того чтобы за сестрой ухаживать. Я почти без возмущения рассказал с кем. Мама удовлетворенно хмыкнула, и я сообразил наконец, что это она Гуля-апу попросила подстраховать. Я прямо об этом спросил, чтобы врезать мамане по полной, а она тоже хитрая, быстренько распрощалась, потому что, говорит, опять переезжаем с места на место, а папа без моих штурманских умений никак. Я думал, папа начнет громко характеризовать ее умения, но, видимо, время и место для этого не подходили — гам у них там был, как в школьной столовой.

Потом родители долго не звонили. Дилька опять стала доставать меня требованиями почитать сказки. Сама она, видите ли, путается в именах и поэтому сбивается. Тут я не выдержал и начал на нее орать, потому что это наглость вообще — уж какие она имена своим куклам, лошадкам и персонажам рисунков

придумывает и запоминает, так это в мою голову просто не влезет никогда, — а теперь говорит, сбивается. Дилька тут же захихикала и сказала, что хочет есть. Я сообразил, что у самого в животе сосет просто дико, так как уже десять доходит. Быстренько согрел картошку с мясом, подавил попытку мелкой барышни подменить нормальный ужин дурацкими хлопьями с молоком и даже помыл посуду (честно говоря, просто чистых чашек уже не осталось — мы, оказывается, очень много всякой ерунды пьем в течение дня).

После этого я сломался и согласился читать с Дилькой сказки — при условии, что читает она, но абзацы со сложными именами — я. Сестра, сияя, притащила том балкарских сказок и с ходу в них забурилась. Надеялась, что там-то трудных имен немерено. И обломилась. Балкарцы-то нам родственники, по ходу. Татарские и башкирские сказки Дилька давно изучила, к тому же садик у нее, как и у меня, был татарским. То есть мы на татарском говорить толком не говорим, если не считать «Альфия Тимерзяновна, *miña öygä qayturğa yarıymı?*»¹ — и быструю речь не понимаем — чем, кстати, время от времени папа пользуется (мама из Сибири, поэтому татарский еще хуже нашего знает, хотя усиленно пробует пользоваться). Но запас слов у нас неплохой, всякие Алакёзы, Кичибатыры и дивы с джиннами из балкарских сказок ухо не режут. Да еще половина сказок крутится вокруг лошадок. А от лошадок Дилька просто претяся — и рисует их, и играет в них, и мультики про них смотрит — и скоро все-таки допечет родителей, чтобы они ее в секцию при ипподроме пристроили. Так что я всего-то несколько абзацев про Быжмапапах прочитал — когда Дилька утомилась и осерчала. Там и впрямь недетская жуть пошла. Быжмапапах, короче, всех победил, но враги успели сунуть ему под подушку зуб дракона. Богатырь спать лег, клык ему через ухо в го-

¹ Можно мне пойти домой? (*там.*)

лову юрк — и насмерть. В этом месте лицо у Дильки стало странным. Я торопливо дочитал, как вся родня Быжмапапаха зарыдала-запела и от этих чудовищных, видимо, звуков клык из ушка выпал. И стал богатырь как новенький. Тут Дилька вредно захохотала и сообщила, что давно знает такую сказку — и про русского богатыря, и про татарского, только там в ухо, чтобы спасти, мама плакала или медведь кричал. Я закричал как медведь и погнал лентяйку чистить зубы и спать. А сам побежал к ревущему телефону.

Звонила, конечно, мама.

— Привет, сиротинки! Как дела?

— Нормально, — солидно сказал я.

— Хорошо. Ели?

— Конечно.

— Дилька спит?

— Нет.

— Наиль, одиннадцатый час, вообще-то.

— Мне мешают, вообще-то, — сказал я, слегка зверея.

— Кто? — всполошилась мама и что-то быстро сказала в сторону.

— Ты. Мы уже ложимся, вообще-то, а ты вот...

— Уф. Нельзя же так пугать.

— Можно, — сообщил я угрюмо и показал Дильке, в каком темпе она должна уже бежать в ванную и вооружаться зубной щеткой.

Мама захихикала и сказала:

— Суров ты, юноша. Гуля-апа вон вся под впечатлением от тебя. Что, в самом деле не пустил бы ее?

— Не велено же.

— А наспустишь?

Я вздохнул и сказал:

— Вас пуцу.

Мама вздохнула и сказала:

— Тогда дверь открой.

Я два раза хлопнул глазами и заорал:

— Дильк, они приехали!

Они правда приехали. Стояли уже за дверью — и ждали особого приглашения.

У всех родители нормальные, а у нас такие балбесы.

Ну, тут началась пятиминутка визгов, обнимающий, мазания зубной пастой и рассказов о том, как мы тут без вас, а вы там без нас страдали. Впрочем, папа с мамой были не сильно исстрадавшиеся. Так, утомленные слегка, веселые и злые. Мама обцеловала Дильку и попинала ее укладываться. Дилька завопила, что хочет со всеми посидеть. Мама попинала ее готовить второй ужин с десертом, бланманже и фюфянами. Ну и сама с нею ушла, понятно.

Папа взбил мне волосы, пару раз бленькнул пальцем по оттопыренному уху и рассказал, что я молодец, на меня можно положиться и все такое. Я поправил волосы и сказал:

— Я знаю.

Мне было хорошо и спокойно. Я только сейчас понял, что все это время было не так — не хорошо и не спокойно.

Папа усмехнулся, снова бленькнул по уху, как-то внезапно рухнул на стул и сказал, прикрыв глаза:

— Все-таки полтыщи кэмэ за неполные сутки — это перебор. Еще бы дорога была... А самое смешное знаешь чего?

— Чего? — спросил я, настораживаясь. Знаю я папино смешное.

— Того, что никакого вандализма там нет. Лукман-абый сослепу не разглядел что-то, папа его неправильно понял, потом я — синдром испорченного телефона, хоть в учебник. А там, ну, *ziratta*¹, пара камней покосилась — ну и у Марата просела могила. Обычное дело.

— Так что, зря ездили? — спросил я, сразу расстроившись.

¹ На кладбище (*mat.*).

— Ну как зря. Не зря все-таки. Я не хотел — а по-человечески-то надо было все равно. Вот. Родню повидал, да. Хотя деревня, конечно, ужас во что превратилась. Чернобыль, блин. Зона с саркофагом. Всё районы меж собой не поделят, никому такое богатство не нужно. Выселять, говорят, будут, да кого там выселять уже. Дом наш вообще... Я не узнал даже сперва.

Папа моргнул и отвернулся. Я тоже отвернулся, но папа, к счастью, уже воскликнул:

— А! Я ж забыл совсем.

Он полез во внутренний карман вязаной кофты, покопался и вытащил оттуда плоскую рыжую коробку.

— Вот, — сказал он, — тебе. За заслуги перед Отечеством.

— О, спасибо, — сказал я и осторожно принял дар.

Коробочка была старой, пластмассовой и неожиданно тяжелой.

Я внимательно ее осмотрел и на всякий случай сделал понимающее лицо.

— Вот клоун, — сказал папа, снова откинувшись на стенку. — Это просто пенал, Марата или чей-то еще. Ты внутрь посмотри.

Я посмотрел внутрь и офигел.

Внутри лежал кинжал. Ну, не кинжал, а офигенский такой нож: тонкий, с темной резной ручкой, кажется костяной, и в потертых кожаных ножнах. Небольшой, чуть длиннее моей ладони — и очень старый. Будто экспонат из нацмузея.

Я положил пенал на стол, обхватил рукоятку так и эдак, бережно снял ножны — они были в мелких морщинках, тугие и очень легкие. И пахли кисло. А лезвие оказалось почти черным. Только края светлые, даже белые, и очень острые.

— Ух ты, — прошептал я.

В книжках острыми клинками волосок на лету рубят. Я полез в лохмы, и тут, тихонько притворив дверь, в зал вошла мама. Она сказала:

— Наилек, спасибо тебе. Рустам, он, оказывается, даже сказку Дильке... Ты с ума сошел?

У нее аж голос поменялся — не интонация, а весь. Я вздрогнул, посмотрел на нож, на папу и понял, что вопрос задан не мне.

— Нормально всё, — сказал папа, не меняя усталой позы. — Это фамильный нож, я не рассказывал разве? Мне столько же было, когда дед подарил. А я и забыл про него, а тут гляжу — ба! Ну и Лукман говорит — забирай, твоему как раз время пришло. Он же в школу или там на улицу носить не будет, правда, Наиль?

Я кивнул.

— Тебе видней, — сухо сказала мама и вышла.

— Дамы без огня не бывает, — отметил папа. — Устала. И «Ак барс» продул. Не парься.

Мне было неловко, но все равно оторваться от разглядывания ножа я не мог.

— Это нержавейка? — спросил я.

— Наверно. Хотя если он действительно такой старый, как мне рассказывали, то нержавейки тогда и не было. Этот нож, говорят, у нас в семье всю дорогу первому сыну передается, с самого начала. А начало документированное у нас в тысяча семьсот восьмидесятом году как минимум.

— Лашманлык такой старый? — поразился я.

— О, он, говорят, еще при Казанском ханстве был, если не раньше. Там же захолустье, река мелкая, зато леса-леса, бурелом да сычи, дорог сроду не было. Ни монголы, ни царские ребята не доходили. А, нет, царские дошли, потому и Лашманлык¹. Да и монголы... Не суть. Все равно, может, и вся тысяча лет по-

¹ *Лашманлык* — заготовка корабельного леса для казенных нужд.

жичку. Раритет и реликвия, считай. А металл — ну, булат какой-нибудь, а то и серебро — вон черный какой. Надо как-нибудь на анализ отдать, у дяди Андрея остались же в кримэкспертизе знакомые.

— Фигассе, — сказал я. — Смотри, а тут вроде не узор даже, а написано, вот, на рукоятке. Что написано, пап, не знаешь?

Он немедленно ответил:

— «Славному бойцу победоносной Красной армии Наилу Измайлову от командарма Котовского».

Я не стал напоминать, что он сам ведь рассказывал о древности ножа. Кротко сказал:

— Тут не по-русски написано.

— Так и ты не русский.

— Тут по-арабски.

— Дай-ка.

Но когда я протянул нож, папа уронил поднятую было руку на колено и сказал:

— А, и так вижу. Помню, вернее. Точно, я пробовал прочитать в детстве — ума не хватило. А алфавит забыл уже. Ну, вот это «ба», «са» — а, ну «бисмилля»¹, точно. Молитва, значит.

Хлопнула дверь, папа отвернулся и с готовностью засиял. Я тоже.

Мама прошла мимо.

Папа посмотрел на меня, скорчив страшную рожу.

Я засмеялся.

В комнату просочилась Дилька, которая торжественно сделала жест рукой и сказала, почему-то сильно окая:

— Прошу всех к столу.

— Проси, — разрешил я.

А папа, конечно, заканючил:

— Ой ты хозяйшкa наша, кормилица. Что ли сама приготoвила?

¹ *Бисмилля* — во имя Аллаха (араб.).

У них завязался бессмысленный слюнявый разговор, по итогам которого папа пообещал завтра всем колхозом умчаться в аквапарк, а Дилька, как всегда, заканючила: «На ручки!»

— На ножки, нет, на ножи! — вскричал папа, ойкнул, шлепнул себя по губам, воткнулся мне головой в живот (я охнул), забросил меня на плечо, сверху накинул Дильку, закрихтев, поднялся и с натугой заорал: «А вот теперь я вас об стеночку-то размажу!» С улюлюканьем помчался к двери — и замер.

Я, чуть не свернув шею, посмотрел прямо по курсу. В дверях стояла мама. Откуда взялась — только что в зал уходила.

Она неласково осмотрела нас и сказала:

— Есть идите, живоглоты. Третий раз зову.

И мы пошли пить чай со сливочным рулетом, а папа попутно ужин смёл, а потом и добавку. И быстро уснули.

И наавтра поехали в аквапарк.

И всё было хорошо.

2

Däw äti позвонил в понедельник утром, когда народ еще спал. Нам с Дилькой в школу к восьми, а родителям на работу к десяти. Поэтому я встаю первым, без пятнадцати семь, умываюсь и ставлю чайник. К тому времени просыпается мама, которая храбро взваливает на себя тяготы Дилькиного подъема — часто вместе с Дилькой взваливает. Папа выходит, скорее, нам настроение поднять. Дилька гогочет над его видом всю дорогу до школы. Мне тоже смешно, конечно.

Телефон заорал, едва я вышел на кухню. Я схватил трубку и немножко удивился. Обычно *däw äti* звонит вечером, когда межгород дешевле. Еще силь-

нее я удивился, когда вместо обычного: «Хай вам, как Дилечка, как оценки?» — именно в такой последовательности — услышал:

— Здравствуй, Наилёк. Как там родители?

— Да нормально, кажись. А что?

Däw äti, помявшись, сказал, что нет-нет, ничего, и перешел было на Дильку, которую любит куда сильнее, чем меня. Это бывает, я не переживаю. Но я не успел даже придумать никакую ерунду ему на радость. Дед вдруг начал рассказывать, что очень там, на поминках, забоялся за родителей. Они, говорит, на кладбище со стариками задержались, когда все уже в деревню ушли, и тут отец решил сам камни на могилах поправить. Его айда отговаривать: давай, мол, за стол сперва сядем — ну или других мужиков позовем, чего, мол, один будешь корячиться. А он рукой машет и ходит примеривается. Я, говорит *däw äti*, вспылил, что он упрямый такой, ушел с абыстайками¹. А папа остался — и мама тоже. Охранять его, как всегда.

Дед говорит, родителей ждали-ждали, наконец сели есть, но суп долго не разносили, потому что опять ждали-ждали. А они к чаю только пришли, отец перемазанный слегка, и оба как пришибленные. Замерзли, сказали. Ну да, сипели еще. Их айда кормить-поить, они оттаяли постепенно, но все равно подергивались. Я, говорит, уж отпускать их не хотел — но отца твоего разве переупрямишь. Позвонил им из дому — они уже в подъезд входят, говорят, а у Рустама голос вроде больной. А вчера вас дома не было. Так все в порядке, говоришь?

— Ну да, — сказал я озадаченно, — мы весь день шарахались — аквапарк, «Макдональдс», потом в лес еще выперлись зачем-то, чисто подышать.

— Молодцы, что могу сказать, — отметил *däw äti* не менее озадаченно. — Значит, не болеют?

¹ *Abistay* — жена священнослужителя, в широком смысле просто набожная старушка.

— Да нет, наоборот. Вчера вон у меня уже руки отваливаются, копчик стер на горках, а эти: еще раз — и пойдем! Как маленькие.

— И не сипят?

— Да они сразу не сипели. А вчера вон песни пели, хором, я записал — будешь слушать?

— Еще я записи по телефону не слушал. Ладно, я вечером позвоню, и так заболтался — деньги капаяют, — сурово сказал *däw äti*, типа это я его звонить и столько болтать заставил. Так он и не узнал ни про мои уроки, ни про Дилькины успехи.

Ну и того, насколько родители здоровы, тоже не узнал. Хотя мог бы.

Потому что мама к моменту завершения разговора уже проснулась и пошла в ванную. А через минуту вскрикнула — и что-то громыхнуло. Я испугался, подбежал и распахнул дверь, как-то не подумав, что мама может быть не готова к этому. Слишком четко представил, отчего она могла так крикнуть.

Разбитых зеркал или струи кипятка не было, но мама стояла напряженно, словно с трудом поймав равновесие, и прижимала ладонь к глазу.

— Что, мам? — выдохнул я.

— Да не пойму, — медленно и удивленно сказала она. — Линзу вставила — и вот... Вчера снять забыла, что ли? Да ну, ерунда...

Она осторожно отняла ладонь, тут же охнула и повела головой вниз и вбок, жмурясь и снова вдавливая ладошку в глаз.

— Слушай, перегнулась она, что ли? Режет так...

И тут открытый глаз у нее совсем распахнулся, она выпрямилась и потребовала:

— Отойди.

Я машинально качнулся назад.

— Наиль, я серьезно говорю — отойди на два шага. Так, хорошо. Подними руку — или нет, принеси газету или журнал, быстро.

— Какой журнал? — тупо спросил я, совсем растерявшись.

— Любой, — нетерпеливо сказала мама и даже чуть топнула. — В прихожей лежит стопка, принеси верхний, что ли. Быстро только.

Я метнулся в прихожую и вернулся со стопкой газет и журналов. Мало ли какой ей понадобится. Мама скомандовала:

— Подними на уровень головы. Не тряси. Акционеров вывели из суда.

— Чего? — спросил я, обалдев, глянул на газету и понял, что это она заголовок прочитала. Ну и что? И зачем это все вообще?

А мама все тем же решительным и даже суровым тоном продолжала командовать:

— Чуть поближе подойди. Еще чуть-чуть. Стой. Не тряси. «Вчера в Таганском суде...» О боже.

— Что, мам? — спросил я, боясь опустить газету и пытаясь сообразить, что такого страшного в этих строчках и звать ли уже папу на помощь или, может, все обойдется.

— Сейчас, — сказала мама, склонив голову.

Ее ладонь сползла на щеку, средний палец оттянул нижнее веко, а указательный легко ковырнул глаз.

Я зажмурился, тут же открыл глаза, пока она себе пальцами совсем глубоко в голову не полезла, и понял, что мама просто снимает контактную линзу — то есть уже сняла и вытирает мокрый глаз. Я хотел отпроситься на кухню: чайник ведь уже вскипел. Но мама, пожмурившись, распахнула веки, зажмурила левый глаз, открыла его и зажмурила правый, снова открыла — а зрачки бегали то по газете, то по моему лицу. Пальцы с прилипшей линзой она держала на отлете.

— Мам, — сказал я наконец, но она перебила:

— Наилек. У меня, кажется, зрение исправилось.

Обняла меня и заплакала.

На наши вопли набежали Дилька и даже папа, затеребили нас, испуганно выкрикивая: «Что? Что?» — а папа еще хватал каждого за плечи, разворачивал и быстро осматривал в поисках повреждений. Мама, прерываясь на смех и всхлипывания, все объяснила. Папа сказал что-то длинное и непонятное, постоял на месте, остыв совсем взглядом, вскипел и принялся экспериментировать с газетой.

Тут выяснилось, что зрение восстановилось не полностью, — мама видит все-таки хуже меня и папы, но лучше, чем Дилька, у которой, кстати, не настоящая близорукость, а астигматизм: это когда глазное яблоко неправильной формы.

— Было у тебя пять с половиной, да? Ну, сейчас, значит, порядка минус двух, — сказал папа, поразмышляв.

— Рустик, но так же не бывает, — сказала мама тонким голосом.

Папа пожал плечами:

— Значит, бывает. К окулисту сегодня запишись. Пусть посмотрит.

— Конечно.

Папа нежно поцеловал маму, смущенно посмотрел на нас, поцеловал Дильку и меня и сказал:

— Слушайте, люди. А я один так жрать хочу?

Жрать хотели все, поэтому хором ломанулись на кухню — то ли готовить, то ли есть наперегонки. Одна Дилька, диаволически захохотав, заперлась в ванной, ликующе сообщив, что будет долго-долго чистить зубы и никого не пустит. А у нас санузел совмещенный. Но хватило ее диаволизма на три минуты. Прибежала как миленькая и стала ныть, что может хотя бы сыр нарезать.

Толпой, оказывается, все готовится быстрее — даже сосиски сварились мгновенно. И съедается быстрее. А мы давно так не завтракали — все вместе, громко и радостно. Папа, который, между прочим, по утрам

Содержание

УБЫР

Пролог	13
Часть первая. Все дома	16
Часть вторая. Из дома	91
Часть третья. Без дома	149
Часть четвертая. Как дома	204
Часть пятая. Кто дома	275
Эпилог	334

НИКТО НЕ УМРЕТ

Пролог	341
Часть первая. Чувствуй себя хозяином	346
Часть вторая. Не болей	391
Часть третья. Не скучай	441
Часть четвертая. Учись на «хорошо» и «отлично» ...	507
Часть пятая. И радуйся жизни	545
Эпилог	601

Идиатуллин Ш.

И 29 Убыр : Дилогия : романы / Шамиль Идиатуллин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 608 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).

ISBN 978-5-389-14699-0

Шамиль Идиатуллин — автор очень разных книг, в диапазоне от мистического триллера «Убыр» (лауреат Крапивинской премии и премии «Новые горизонты») до премиального тяжеловеса «Город Брежнев» (третье место на конкурсе «Большая книга», а также приз читательского голосования). Но «Убыр» — не просто мистический триллер, завораживающе увлекательный, по-настоящему страшный и уникальный в своем роде. Трудно вспомнить другую книгу, которая одновременно признавалась лучшим образцом интеллектуальной фантастики, лучшим хоррором для взрослых и лучшим романом для подростков.

Итак, на четырнадцатилетнего Наиля и его младшую сестру Дилю обрушилась страшная беда — убыр. Им пришлось бежать и прятаться — от недобрых людей и смертельных нелюдей. Им пришлось учиться верности — слову, делу и роду. Им пришлось драться — за себя и за всех своих. Они поверили, что когда-нибудь боль кончится, помощь придет — и больше никто не умрет.

Дети такие доверчивые.

По словам автора, «„Убыр“ — это книга о жизни, смерти и о том, что надо делать, чтобы одно не переходило в другое. Причем здесь и сейчас».

Впервые дилогия публикуется под одной обложкой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН

УБЫР ДИЛОГИЯ

Редактор Александр Гузман

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Татьяна Бородулина, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.04.2018. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 29,64. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



Y-BLP-22979-01-R